

DEUS EX MACHINE. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЯМИ И ТЕОЛОГИЕЙ: ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА

Сорокин Константин Алексеевич

Аспирант, Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
konstantin.sorokin1@gmail.com

DEUS EX MACHINE. INTERACTION BETWEEN TECHNOLOGY AND THEOLOGY: PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF THEIR INFLUENCE ON HUMANS

K. Sorokin

Summary: The purpose of this article is to explore and reveal the relationship between technology and theology in the context of cultural, social and historical development. Analysing the impact of technological developments on theological thought, as well as theology's views on progress and innovation, enables us to more consciously and deeply appreciate the significance of the intersection of the two spheres in contemporary culture and the impact on societies. The underlying idea of the study is the concept of 'deus ex machina', which was used in ancient Greek theatre as a technological element in the appearance of a deity. This concept suggests the intervention of higher powers or unpredictable events that solve complex problems or resolve conflicts that have no solutions. In its essence, «deus ex machina» is an expression of the philosophical idea of the influence of fate or supernatural forces on the course of events. In modern terms, «deus ex machina» can also be seen in the context of technological development and the desire to use modern scientific advances to solve complex problems.

Keywords: God, Deus, Media, Technology, Plato, Aristotle, P. Sloterdijk.

Аннотация: Цель статьи заключается в исследовании и раскрытии взаимосвязи между сферами технологией и теологией в контексте культурного, социального и исторического развития. Анализ влияния технологических достижений на теологическую мысль, а также взгляды теологии на прогресс и инновации, дает нам возможность более осознанно и глубоко оценить значимость пересечения двух сфер в современной культуре и влияние на общества. Основопологающей идеей исследования является концепция «deus ex machina», которая использовалась в древнегреческом театре в качестве технологического элемента при появлении божества. Эта концепция предполагает вмешательство высших сил или непредсказуемых событий, которые решают сложные проблемы или разрешают конфликты, не имеющие решений. В своей сущности, «deus ex machina» является выражением философской идеи о влиянии судьбы или сверхъестественных сил на ход событий. В современном понимании «deus ex machina» также может быть рассмотрена в контексте технологического развития и стремления использовать современные научные достижения для решения сложных проблем.

Ключевые слова: Бог, Deus, Медиа, Технология, Платон, Аристотель, П. Слотердайк.

Введение

Связь между представлениями о мире Богов и поэзией так же стара, как ранняя европейская традиция. Более того, она восходит к древнейшим письменным источникам цивилизаций всего мира. Каждый, кто помнит вечную пульсацию гомеровских стихов, вспомнит как поэт заставляет Богов-олимпийцев обсуждать судьбы сражающихся на равнине перед Троей. Он заставляет небожителей говорить без обиняков, не всегда с серьезностью, подобающей существам их ранга.

Боги древнегреческого олимпийского типа обычно ведут себя как отстраненные зрители мира. Они не вмешиваются в земные действия дальше, чем это обычно делают любители сражений; во время войн

они сидят в своих ложах, как посетители, делающие ставки на фаворитов. Запутанные отношения – не их дело. Их выбор места жительства показывает, что они существа антигравитации. Они забыли, как существовать, как оставаться в поле гравитации, с которой трудились их предшественники из титанического поколения Богов. Один из аспектов этого особенно важен для дальнейшего изложения: Боги Гомера были говорящими Богами. Они тоже были, как сказал Аристотель о людях, живыми существами, «обладающими речью». Благодаря поэзии они были доступны для слуха людей. Как пишет об этом П. Слотердайк: «если высшие существа в основном обменивались мнениями только между собой, то разговоры бессмертных иногда подслушивали смертные – как если бы лошади подслушивали ставки зрителей перед скачками» [13, s. 15].

Deus ex machine

Феномен говорящих Богов был включен в греческую театральную культуру спустя столетия после Гомера. Афинская сценическая игра приводила в движение, перед собравшимися гражданами, действия, которые, благодаря своей общей понятности, способствовали эмоциональной синхронизации городской аудитории. Зрители в театре, смотрящие трагедию, должны были испытать дрожь и плач, в основном на одних и тех же отрывках трагических пьес. Точнее скажет М. Гаспаров: «Основной элемент структуры трагедии – это страдание» [2, с. 514]. О страдании в трагедии так же писал Аристотель: «Страсть же есть действие, причиняющее гибель или боль, например смерть на сцене, мучение, раны и тому подобное» [1]. Но это страдание должен был испытать каждый зритель. В греческом языке был специальный глагол для обозначения этого эффекта «*synhomoiopathein*» – испытывать те же страдания одновременно. В комедиях, которые следовали за трагедиями, люди обычно смеялись в одних и тех же местах. Для бодрящего эффекта драмы решающим было то, что, созерцая повороты судьбы на сцене, человек доходил до предела, после которого переставал задавать дальнейшие вопросы. Завуалированное, сверхразумное, можно сказать нуминозное, наполняло сцену реальным присутствием.

На этом фоне необходимо более подробно обсудить гениальное изобретение аттического театрального искусства. Драматурги все еще во многом идентичные поэтам – поняли, что конфликты между людьми, отстаивающими несовместимые вещи, обычно заходят в тупик. Тогда никакие человеческие средства не позволяют найти выход. Такие моменты понимались античным театром как предлог для введения Бога-актера. *Deus ex Machina*, Бог из машины. Первоначально этот термин был придуман для обозначения определенной сцены в греческом театре, разрешения конфликта или проблемы, возникающей не в результате действия драмы, ее повествования, а в результате неожиданного вмешательства божества. Как напишет в Аристотель в *Поэтике*: «“Бог из машины” должен являться лишь в прологах Еврипидовского типа с предысторией событий или в концовках с пророчеством о дальнейших событиях, как обычно и делалось» [1, с. 783], как разрешения конфликта или проблемы, возникающей не в результате действия драмы, ее повествования, а в результате неожиданного вмешательства божества.

Поскольку Бог не мог просто появиться как посланник со стороны, нужно было придумать процедуру, чтобы он прилетел сверху. Для этого афинские театральные инженеры построили машину, которая позволяла Богам появляться сверху. «*Аро mechanēs theos*: над сценой раскачивался подъемный кран, к стреле которого крепилась платформа – пюпитр, – откуда Бог говорил вниз,

на человеческую сцену. Это устройство афиняне называли теологионом» [13, с. 16]. Актер должен был изобразить Бога, Богиню как властную инстанцию, решающую проблемы. Теологион – это не пюпитр, не проповедническая кафедра, а устройство, полностью присущее театру. Он представляет собой тривиальную «машину» в первоначальном смысле этого слова, специальный эффект, призванный удержать внимание зрителей. Его функция не тривиальна: *перевести Бога из состояния невидимости в состояние видимости*. Более того, человек не только видит Бога или Богиню, парящую над сценой, но и слышит, как он – или она – говорит и дает указания. Более поздний латинский термин *deus ex machina* относится к эффектам такого рода, технический смысл которых можно сформулировать следующим образом: только фигура, вмешавшаяся извне, может открыть освобождающий поворот в безнадежно завязанном конфликте. Бог нужен, чтобы разрешить узел в драме, значит, он существует.

Но, как понимали древние греки Бога, который мог прийти и разрешить их проблемы. По мнению Д.В. Пивоварова изначально греческий Бог отстранен от общения с человеком: «Обычно язычники мыслят перового как «праздного Бога» (*deus otiosus*), отстраняющегося от судеб конкретного бытия и от человеческих жизней и перепоручающего вторичным Богам создание нашего мира и контроль над людьми» [9, с. 183]. Так же пишет об этом Плотин: «Бог же, Кронос, представляется в мифах связанным на том основании, что он пребывает недвижимо и неизменно в своем тождестве: господство над видимой вселенной он предоставил своему сыну Зевсу потому, что ему самому, обладателю и источнику всех и всяческих благ, не свойственно, оставив свое царство в умопостигаемом мире, нисходить до владычества в мир позднейший и низший» [10, с. 209]. Изобретение *теологии* у греков сделало явным, посредством механической инновации, с которым должны были иметь дело все высшие религиозные сущности. Оно прояснило задачу помочь потустороннему, высшему, другому, над эмпирическим пространством, населенное властной неопределенностью, достичь достаточно очевидного проявления в человеческом жизненном мире. Как пишет о теологии Д.В. Пивоваров: «Платон, который, собственно, и ввел этот термин в идеологический оборот, определил теологию как *рассудочную мифологию божественного*. По его убеждению, логически проясненные сказания о Богах имеют педагогическую и политическую ценность. Аристотель придал теологии статус первой философии» [9, с. 165]. Древнейшая стадия свидетельств из чувственно-суперсенсорных источников проявлялась как эмоции участников, которые исходили от «зрелища», торжественного обряда, захватывающего жертвенного заклания. Заслуга изобретателей теологиона состоит в том, что они прояснили эпифаническое давление, под которым находился надмирный мир с тех пор, как он взял на себя

задачу помощи в символической или «религиозной» и эмоциональной интеграции с человеком. Как пишет П. Слотердайк: «Появляющиеся Боги давали своим клиентам увидеть, услышать и иногда прочесть столько, сколько казалось необходимым, чтобы направлять, связывать и наставлять их – обычно достаточно для поддержания “структуры правдоподобия”, с помощью которой обеспечивалась приверженность ритуально влияющего сообщества своим культовым идеям (античный: приверженность обычаям древних, *patrioi nomoi, mos maiorum*; христианский: *fides*, “верность в следовании тому, что дает поддержку”). Правдоподобие здесь означает: свободное от теории принятие обычаев, даже тех, которые относятся к вещам потусторонним» [13, с. 18].

Понимание Платона как теологию в виде рассудочной мифологии божественного в дальнейшем привело к тому, что возник процесс отчуждения божественного от мифа, эпоса и театра и его повторное представление в качестве ментальной или ноэтической, дискурсивной сущности, к которой в итоге можно было прикоснуться только созерцательно. Платон в своих диалогах заставлял учителя заниматься деконструкцией, чтобы создать пространство для возведения новой для своего времени доктрины идей. Он определял, по большей части, то, что, по его мнению, неуместно в мифотворчестве должно быть устранено с помощью логических и этических аргументов. Дидактическая стратегия Платона заключалась в том, чтобы представить Сократа, мастера вопросов, как умышленного создателя трудностей. Что бы ни обсуждал учитель с оппонентами, это обычно приводило к апориям.

В диалоге Платона «Евтифрон» (388 года до н. э.) термин *therapeia theon* появился для обозначения чего-то близкого к латинскому понятию *religio*. Сократ использовал его для описания области, в которой его собеседник Евтифрон, случайно встреченный им на дороге по пути в суд, судя по его репутации, хорошо понимает, что есть «благочестие». Основной вопрос, который встает перед собеседниками, заключается в следующем: «благочестивое любимо Богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят Боги?» (Евтифрон 15b). Если перефразировать можно сказать следующим образом – Боги нуждаются в людях или люди нуждаются в Богах? И следует ли угождать Богам или это превращается в товарообмен? Сократ говорит: «Значит, принесение жертв Богам бессмысленно, а потому и не может характеризовать собой благочестие, не говоря уже о том, что такое принесение даров ничем не отличалось бы от обыкновенного товарообмена» (Евтифрон 13c – 15b). Евтифрон убегая от Сократа, по-видимому, остается при своем мнении, что молитва и жертвы необходимы.

Общество, приверженное позиции Евтифрона (если

можно так назвать), постепенно приручает божества. Теперь Боги служат человеку, а не наоборот. Они становятся социальными акторами, взаимодействующими с людьми. Сначала люди заставляют Бога спуститься на землю, чтобы решить непреодолимые проблемы, взамен на что люди начинают приносить им жертвы в знак благодарности. В этот момент начинается процесс, который можно назвать исчезновением богов в тень. Это первый вызов древнегреческим Богам, которым люди открывают путь в сумерки. Богов начинают убивать раньше на 2400 лет до того, как об этом событии сообщит Заратустра.

Теологион *ante litteram*

Сценически-технический или религиозно-драматургический и медиологический принцип *Deus ex machina* фактически уже использовался в некоторых ритуалах Ближнего Востока задолго до появления афинского театра. Приведем самый известный пример: Древний израильский Ковчег Завета (Арон Хабрит), который носили с собой во время странствий народа и хранили в скинии, пока он не обрел постоянное место во внутренней части первого Иерусалимского храма, куда можно было войти только раз в год, на Йом Кипур, праздник искупления, означал, с точки зрения откровения, классический сакральный механизм для визуализации Бога, способного говорить и писать. В соответствии со своим функциональным назначением Ковчег Завета представлял собой теологумен *ante litteram*. Считалось, что в нем хранились две скрижали, которые Моисей получил на облачной горе Синай: «они были написаны перстом Божиим» (Исход 31:18.). Больше прозрение было недопустимо и невозможно в древнееврейской монолатрии: до поры до времени действовал закон, согласно которому тот, кто увидит Бога, разрушительного князя огня и погоды, в реальном присутствии, лишится жизни. Присутствие Бога ощущалось нуминозно, но никак не могло быть театрализовано. С точки зрения внешнего вида, Яхве или Элохим ограничивались письменностью и «природой» – и то, и другое понималось в знаке авторства, и то, и другое можно было понять только как постоянную реактуализацию написанного и созданного. Символы, хранившиеся в позолоченном ящике из дерева акации, делали близость к нему священной и опасной; тот, кто случайно прикасался к Ковчегу Завета, должен был быть убит – указание на то, что функция табу, замеченная европейскими этнологами XIX в. в Полинезии, также существовала среди семитских народов, как и среди многих других, с незапамятных времен. С мифической передачей скрижалей на Синае Бог Израиля выполнил свое обязательство явиться. Яхве проявлялся в разных образах и в разных ситуациях. В виде огня Он появляется в следующих образах: пламя огня (Быт. 15, 17); огонь небесный (Быт. 19, 24); Столб огненный (Исх. 13, 21-22; 14, 19-20); воспламенившийся гнев (Числ. 11, 1-3); неопалимая купина (Исх.

3, 2). И это далеко не полный список образов, в которых приходит к людям Яхве. Бог, который заключил договор со своим народом о почитании его, ведет его к обещанной земле в обмен на почитание и следование законам, которые Он передал Моисею на горе Синай. Эту связь между Яхве и избранным народом можно рассматривать как социально-договорные отношения, основанные на взаимопонимании и взаимной ответственности.

Заповеди, записанные на скрижалях, сначала были повторены устно, поскольку о расшифровке, чтении, изучении или комментариях не было и речи до гораздо более позднего времени. Бог народа Исхода, очевидно, был расположен двигаться перед Своими во время многолетних скитаний по пустыне в виде огненного столба ночью и столба дыма на горизонте днем. П. Слотердайт отмечает тот факт, что: «Писания древнего Израиля соответствовали схеме *deus in machina*» [13, s. 20]. Яхве выполнил свои обязательства по предоставлению земли народу Израиля при соблюдении их заповедей, а затем при нарушении их рассеял избранный народ по миру за нарушения обязательств. Здесь до сих пор кроется тайна был ли народ Израиля для Бога или Бог на него.

Deus fixus ad machinam

Христианство, отделившееся от иудаизма, должно было по-своему увидеть драматизацию указующего перста свыше. Уже в своих ранних сочинениях оно использовало поразительную схему теологии, когда практически приравнивало явление Иисуса, как Мессии, которого ждали иудеи, к «Слову Божьему». Таким образом, христианское послание решительно выходило за рамки примеров греческой театральной поэзии говорящих Богов. Решающим было то, что они позволили связать мотив еврейского Мессии с доктриной Логоса платонического происхождения. Как отмечает Д.В. Пивоваров: «Космоцентрические религии можно определить как восстановление или налаживание связи людей с Богом, космическим центром, средоточием вселенной. Например, христианство основано на идее о том, что Адам своим грехопадением порвал связь с Богом, оно испытывает в лице народившегося от Бога человечества вину перед Творцом и пытается восстановить с Ним духовную близость. Второй Адам – Иисус Христос – искупил первородный грех, и теперь все христиане, родившиеся к новой жизни через крещение водой и Святым Духом, пребывают в процессе укрепления духовной связи с Богом» [9, с. 48]. Благодаря этому сближению, которое позже достигло степени уравнивания, Бог полностью вошел в свой человеческий облик и в свои языковые выражения. В христианстве Бог-Творец есть, во-первых, Отец едиnorodного (единственного) и предвечного Сына – Иисуса Христа; Сын же явил себя людям как Богочеловек, рожденный девой Марией в год, когда в Палестине над Вифлеемом зажглась рождественская звезда. Как отмечает

П. Слотердайт: «Иисус, таким образом, стал не только теологуменом, то есть источником речи свыше на земной сцене, но и, по крайней мере, с ретроспективной точки зрения, самим говорящим Богом, не как актер, декламирующий ролевую прозу, а как исполнитель, которому удастся произнести свой текст *extempore*. Когда теология начала приписывать авторство Иисусу в метафизическом смысле, его земное присутствие не только должно было свидетельствовать о явлении Бога в человеческом облике – подобное считалось стандартным религиозным событием в пространстве между Нилом и Гангом, хотя и имело там иной смысл – оно хотело представлять собой не что иное, как нисхождение квинтэссенциально трансцендентного Логоса в имманентность, таким образом, акт сингулярного онтологического снисхождения» [13, s. 20]. Согласно мировоззрению античного человека, в Галилее предстояло совершиться нечто феноменальное и противоречивое, абсолютно несовместимое с принципами античного мира. Как напишет об этом М. Шелер: «Бог по собственной воле снизошел до человека, был бедняком и умер на кресте смертью простого раба! Отныне теряет смысл тезис о том, что надо любить добрых и ненавидеть злых, любить друга и ненавидеть врага. Нет больше идеи «высшего блага», имеющей содержание вне и независимо от самого акта любви и ее движения! Из всех благих вещей наиболее благая – сама любовь!» [11, с. 74].

Главным тео-антропологическим событием, о котором повествуют новозаветные Евангелия, было, прежде всего, то, что явившийся Богочеловек вступил в прозрение, не имея возможности отступить. У Иисуса не было драматурга, не было трагика, который бы подсказал слова, соответствующие его «роли». Он не мог снять маску за кулисами. Через триста лет после смерти человека, которому его последователи поклонялись как пришедшему Мессии, Никейский собор установил вероучение, согласно которому Господь Иисус Христос был Богом от Бога и светом от света, истинным Богом от истинного Бога, рожденным, а не сотворенным – что бы это ни значило. В Никейском Символе веры за этим последовала фраза: *et homo factus est* (и был сотворен человеком). Только здесь была прямо выражена метафизическое снисхождение пришествия Иисуса в мир, в одном единственном случае реальный человек должен был появиться на свет, не переставая быть светом от света в силу своей человечности. Как пишет П. Слотердайт: «Богочеловек, назвавший себя “Сыном Человеческим”, вдохновленный персидскими и еврейскими источниками – возможно, мессианский титул, но, возможно, лишь *façon de parler* для обозначения “я” – пришел в мир, как ему было сказано, чтобы подписать свое учение своей жизнью» [13, s. 20]. Философский взгляд на идею теизма представляет собой изображение двух окружностей, которые соприкасаются только в одной точке. Одна из окружностей символизирует Бога, а другая – физический мир. Точка

пересечения между ними является проявлением Бога, посланником Бога. В христианстве этим проявлением является Богочеловек Иисус Христос. Как пишет Апостол Павел: «...как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим.6,4–5). Наконец, человек призван умереть и родиться заново, принять крещение и Бога, ходить в «обновленной жизни».

Гегель – требовал от человека, который проходит учебную программу прихода к себе как к духу, до конца ощутить «бесконечную боль о себе», потому что он, как ушедшая индивидуальность, должен занять место в диалектическом процессе в целом точно так же, как воплощение в абсолютном Сыне было необходимо для общения Бога с самим собой как духовной индивидуальностью. Иначе Богу пришлось бы остаться лишь воплощением пустой возвышенности и восточной властной напыщенности. Г. Гегель пишет: «Возможность примирения состоит только в том, что сознается в себе сущее единство божественной и человеческой природы; это – необходимая основа. Таким образом, человек может сознавать себя принятым в Бога поскольку Бог не есть для него нечто чуждое, он относится к нему не как внешняя акциденция, а принят в Бога по своей сущности, по своей свободе и субъективности; но это возможно лишь постольку, поскольку в самом Боге есть эта субъективность человеческой природы. Это в-себе-бытие должно быть осознано бесконечной болью как в себе сущее единство божественной и человеческой природы, но только согласно в-себе-бытию, субстанциальности, так что эта конечность, слабость, это инобытие не вредит субстанциальному единству обоих – Бога и человека. Единство божественной и человеческой природы, человек в своей всеобщности есть мысль человека и в себе, и для себя сущая идея абсолютного духа» [3, с. 275]. Явиться, говорит Гегель, «значит быть для других» [3, с. 453].

Прозрение Иисуса приняло на себя больше, чем можно было ожидать от Бога, который появляется свыше. В истории религии есть различные культы умирания и воскрешения, например, такие как теллурические божества низшей сферы, связанных с Великой Матерью (Деметра, Изида, Кибела и многие другие), таких как Атис или Осирис. Воскресение распятого Христа должно было означать нечто большее, чем возрождение растительного мира и его неразрушимых вещей. Весть пасхального утра гласила, что отныне преходящее никогда не будет иметь последнего слова, даже для субъектов с духовной индивидуальностью. На кресте Иисус искупил грехи всего человечества, как главную неразрешенную проблему, которую разрешить мог только Бог. Он заявил о себе из пустой гробницы. «Его пещерный выход, с отваленным в одну сторону камнем, перешел в Богословие более высокого порядка» [8, с. 155].

Апостол Павел, скажет: «Иисус должен был воскреснуть, потому что иначе наша вера была бы напрасной. Мы были бы самыми несчастными из людей, если бы ошиблись в этом вопросе» (1-е Коринфянам 15:12–20). И в своей проповеди к Галлатам дополнит: «Ибо я чрез Закон умер для Закона, чтобы жить для Бога. Я распят со Христом» (Гал 2:19). Пришедший с неба к людям Иисус Христос решил главный вопрос, ответ на который они не могли найти. Он избавил их от смерти указав путь к вечной жизни, исправив то, что было нерешаемой проблемой.

Deus ex media

Нет миссии без средств массовой информации, но, возможно, и нет средств массовой информации без миссии. Мессия как основа для медиа пространства. Проявление Мессии может быть как по средствам устного слова, икон, картин, витражей готических соборов и т. д. Но самое эффективное проявление на долгое время в плоть до XX в. было печатное слово. Как отмечает Маклюен: «Только алфавитные культуры овладели связными линейными последовательностями как всепроникающими формами психической и социальной организации. Секрет западной власти над человеком и природой состоял в разбиении любого рода опыта на единообразные элементы с целью убыстрения действия и изменения формы (то есть в прикладном познании)... Эта процедура, открыто проявившая себя уже на греко-римской стадии, приобрела еще большую интенсивность с рождением единообразия и повторяемости Гутенбергова изобретения» [6, с. 97]. Первые школы переводчиков были созданы в Испании для облегчения перевода между исламом, иудаизмом и христианством; первыми книгами, которые были напечатаны, была Библия. Мессия теперь проявлялся не только в церковных песнопениях, снисходил с витражей готических соборов, спускался своим взором со стен византийских храмов или с картин католических соборов. Мессия которая предстала в виде букв алфавита, оказало огромное влияние на последующую историю человечества, как в культурных, так и в социальных вопросах. Первая книга Гутенберга была безусловно божественным откровением. 42-строчная Библия через которую Бог начал говорить с человеком, индивидуализирует процесс его познания. Теперь он может найти с помощью Библии ответы на сложные вопросы. Массовое книгопечатанье вульгаты основанный на трудах Иеронима Стридонского открывает Бога для человека на каждой странице. Находя на страницах ответы которое необходимы человека, там же он находит и вопросы, и сомнения.

В результате перевода Библии на национальные языки произошли глубокие и преобразовательные изменения в дальнейшем пути развития человечества. Этот акт перевода открывает перед нами новую

эпоху, где каждый народ может обращаться к священным текстам на своем родном языке и воспринимать их в своей уникальной культурной и философской матрице. Библия становится не только религиозным медиа, но и воплощением множества мыслей и идей, возникающих в контексте различных национальных и культурных образов. Как пишет Маклюэн: «Развитие книгопечатания – процесс, в котором рука об руку идут как овнешнение и артикулирование частного внутреннего опыта, так и омащивление коллективного национального сознания, ибо воздействие новой технологии заключается в том, что она придает национальному языку визуальность и делает его объединяющей и унифицирующей силой» [6, с. 111]. Книга национализует и унифицирует Мессию. Путем национализации через книгу Он способен вдохновить каждого читателя на поиск собственного предназначения и осознание своего места в мире. Как говорит об этом Р. Дебрей: «После переворота божественное меняет направление: от архитекторов оно переходит к архитекторам. Из памятника он превращается в документ. Написать абсолюта на лицевой и оборотной стороне листа бумаги – значит сохранить одно измерение, вместо трех – только два. Результат: сакральная плоскость (чудесная, как церковь)» [4, р. 130]. Церковь переходит в плоскость книг и становится опорой для каждого, кто способен проникнуть в ее содержание.

Например, Ф.М. Достоевский будет описывать сцену воскрешения Родиона Раскольникова прибегая к образности книги как Бога с помощью притчи о воскрешении Лазаря, в Евангелие от Иоанна. Об этом эпизоде воскрешения Раскольникова с помощью Библии красноречиво напишет Л.А. Зандер: «Достоевский описал здесь подлинное чудо – непосредственное действие божественной благодати, посещение человеческой души Духом Святым» [5, с. 154]. В романе Ф.М. Достоевский описывает свой экземпляр, который помог ему выжить на каторге как Книга, которая была старая, подержанная, в кожаном переплете (которая была подарена ему в 1850 г. в Тобольске на пересыльном дворе женами декабристов А.Г. Муравьевой, П.Е. Анненковой и Н.Д. Фонвизиной). Свою церковь Достоевский всегда носил с собой.

Более поздние авторы, например такие как Г.П. Лавкрафт, Дж. Р.Р. Толкин будут создавать собственных богов. Со страниц книг спустятся к людям бог Ктулху который в своей мифологии создаст собственное божество по имени Шуб-Ниггурат. Последний проявляется в мифах Ктулху. Эру Илуватар бог которого придумал Толкин сходит со страниц книг как демиург, который создал мир Толкиена. В этом есть проявление эффекта зеркала, где создатель отражается в созданном. Боги сходят не только со страниц книг, в XX в. они так же создают себе пространство в комиксах. Во вселенной Marvel поселяется огромное количество Богов Галактус, Оштур, Бейондер

и т. д. Боги из комиксов становятся для многих читателей друзьями или врагами, которые обитают на прикроватной тумбочке или туалетной комнате.

В развитии технологий и технических средств Deus ex media в XX в. выбирает разнообразные пути для того, чтобы спуститься к людям. Мессия начинает использовать технические средства массовой информации, фотографию, радиовещание, кино или телевидение. Радиопередачи, телепередачи и интернет-вещание сегодня может распространить благословения клира на огромное количество людей, живущих в разных частях света. Как пишет Р. Дебрей: «В свое время печатная продукция вызвала подрыв церковной иерархии, обойдя ее стороной, с той же непреложностью, с какой телевидение подорвало старые иерархии» [4, с. 85]. Сегодня паломнику необязательно посещать святые места на земле, чтобы получить это благословение! Deus ex media пришел в каждый дом, и главное при этом не нужно уметь читать, чтобы услышать его слово. Достаточно просто включить экран с искусственным светом вместо иконы со свечей. По иронии сейчас экраны как черный квадрат Малевича в основном находятся в верхних углах комнат.

Заключение

Естественно, история технологий и средств массовой информации религий на этом не заканчивается. Тем не менее, наше отношение к техническому обновлению религиозных откровений заметно изменилось. С момента своего появления на эстрадных сценах искусство иллюзионизма пользуется интересом у просвещенной публики, которая стремится развлечься – с помощью неизвестных уловок и обманных эффектов. Эта публика платит насмешкой за эстетическую элегантность зрелища, которое с самого начала воспринималось как обман. Верят не иллюзионисту, а его технике; с аналогичными ожиданиями мы смотрим такие фильмы, как «Властелин колец», всегда сознавая, что существа или сцены сражений на экране были просчитаны и составлены. Точно так же и сейчас большинство западного мира относится к религии. Мы знаем, что произойдет, в водевиле, в церкви, в кино, как и на мессе, в интернете, как и на занятиях йогой. Именно поэтому восприятие святого перешло от религиозного содержания к более широкому обращению к техническим формам его создания. Чем более заметно мы живем в эпоху технической воспроизводимости религиозного опыта, тем более религиозно мы воспринимаем технику. Как и прежде, из машин выходят боги, но наше внимание привлекают не боги, а машины, не «Deus ex Machina», а «Deus in Machina», божественная машина, управляющая появлением богов. История религий в области технологий и средств массовой информации на этом не закончилась, но с тех пор она сменила тему – и в последнее время увлекает нас в форме религиозной истории технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель: соч. в 4-х т. Т. 4. М.: «Мысль», 1983.
2. Гаспаров М.Л. Собрание соч. в 6 т. Т. 1: Греция. М.: НЛО, 2021.
3. Гегель Г. Философская религия: в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Мысль», 1977.
4. Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010.
5. Зандер Л.А. Тайна добра: (проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2003а.
7. Маклюэн М. Понимания медиа. М.: «Канон-пресс-Ц», 2003б.
8. Морисон Ф. Кто покати́л камень? М.: Знание, 2009.
9. Пивоваров Д.В. Философия религии: в 3 т. Т. 1: Онтология религии: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.
10. Плотин. Энеиды. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995.
11. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999.
12. Debray R. Dieu, un itinéraire. Matériaux pour l' Histoire de l' Eternel en Occident. Paris: Éditions Odile Jacob, 2003.
13. Sloterdijk P. Den Himmel zum Sprechen bringen Über Theopoese. Suhrkamp: Verlag, 2020.

© Сорокин Константин Алексеевич (konstantin.sorokin1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет